

Научная статья

УДК 811.111'42:32

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-460-42-69

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИОННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (НА ПРИМЕРЕ РЕЧЕЙ АМЕРИКАНСКИХ ПОЛИТИКОВ)

Алексеев Александр Борисович¹,
Сорокина Эльвира Анатольевна²

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Москва, Россия,

² Государственный университет просвещения,
Москва, Россия,

¹ neuausstatten@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2740-4649>

² ellasor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4965-078X>

Аннотация. Статья посвящена изучению мотивационно-политических речей, трактуемых разновидностью гибридного дискурса. Цель исследования — определение основных черт американского мотивационно-политического дискурса и рассмотрение риторических средств, используемых в нем. Актуальность исследования диктуется социальной значимостью политического и мотивационного дискурсов, последовательным развитием политической лингвистики, необходимостью для публичных ораторов нахождения оптимальных способов лингвопрагматического воздействия, соотносящихся с побудительной функцией языка. Новизна исследования объясняется введением термина «мотивационно-политический дискурс», а также выделением его базовых характеристик. Методами исследования служат дискурс-анализ, содержательно-контекстуальный и лингвостилистический виды анализа. Результаты исследования позволяют определить мотивационно-политический дискурс специфическим гибридным дискурсом, помимо мотивационной и политической сфер, нередко интегрирующим и элементы морализаторского, религиозного, исторического и спортивного нарративов,

выстраиваемым вокруг основополагающих для американского менталитета понятий: «мечта», «справедливость», «Бог», «борьба», «смелость», «успех». К рекуррентным темам рассматриваемой коммуникативно-дискурсивной среды относятся: необходимость борьбы за справедливость, возможность преодоления бедности и достижения поставленных целей, важность следования заветам Бога, моральное обязательство перед своей страной, исключительность американской нации, неизбежность ошибок и временных неудач, но одновременно подчеркивание их конституирующей роли в приобретении ценного жизненного опыта, позволяющего в конечном итоге одержать победу над противниками. Дальнейшее изучение мотивационно-политического дискурса представляется бесспорно интересным и актуальным в связи с активным становлением теории гибридных дискурсов и растущим осознанием, что реальное общение редко, если вообще когда-либо, ограничивается одним дискурсом.

Ключевые слова: борьба, гибридизация, гибридный дискурс, концепт, мечта, мотивационный дискурс, политика, политический дискурс.

Для цитирования: Алексеев, А. Б., Сорокина, Э. А. Особенности мотивационно-политического дискурса (на примере речей американских политиков) // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование», 4(60), 42–69. <https://doi.org/10.24412/2076-913X-2025-460-42-69>

Original article

UDC 811.111'42:32

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-460-42-69

FEATURES OF THE MOTIVATIONAL-POLITICAL DISCOURSE (AT THE EXAMPLE OF SPEECHES GIVEN BY AMERICAN POLITICIANS)

Alexander B. Alexeyev¹,

Elvira A. Sorokina²

¹ The Russian Academy of Economics and State Service
by the President of the Russian Federation,
Moscow, Russia,

² State University of Education,
Moscow, Russia,

¹ neuausstatten@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2740-4649>

² ellasor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4965-078X>

Abstract. The article is dedicated to the study of motivational-political speeches, which are interpreted to be a variety of a hybrid discourse. The aim of the research is to determine main features of American motivational-political discourse and to consider the rhetorical means used in it. The actuality of the research is determined by the social importance of political and motivational discourses, consistent development of political linguistics,

necessity for public orators to find the most optimal means of linguopragmatic influence correlating with the motivational function of the language. The novelty of the research is explained by the introduction of the term ‘motivational-political discourse’ as well as the identification of its most basic characteristics. The research methods include discourse-analysis, content-contextual, and linguostylistic types of analysis. The results of the research allow to define motivation-political discourse as a specific hybrid discourse, apart from motivational and political spheres, often integrating moralizing, religious, historical and sports narratives. It is often built around pivotal for the American mentality concepts: ‘dream’, ‘justice’, ‘God’, ‘fight’, ‘courage’, ‘success’. The following themes can be characterized as the recurring ones in the analyzed communication sphere: the necessity of fight for justice, the possibility of overcoming poverty and achieving the outlined goals, the importance of following the God’s commandments, moral obligation before the country, the uniqueness of the American nation, the inevitability of mistakes and temporary failures but at the same time the emphasis on the latter’s constitutive role in gaining experience which eventually allows one to win over the opponent. The further study of motivational-political discourse seems to be undoubtedly interesting and actual corresponding to the active development of the theory of hybrid discourses and the growing awareness that the real-life communication rarely if at all is limited to one discourse.

Keywords: fight, hybridization, hybrid discourse, concept, dream, motivational discourse, politics, political discourse.

For citation: Alexeyev, A. B., & Sorokina, E. A. Features of the motivational-political discourse (at the example of speeches given by American politicians). *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 4(60), 42–69. <https://doi.org/10.24412/2076-913X-2025-460-42-69>

Введение

Понятие «гибридный дискурс» хотя и относительно новое, но в лингвистике становится все более востребованным. Это объясняется реалиями развития современных коммуникативных сред, часто существующих на пересечении не только нескольких институциональных, но и порой еще обыденно-повседневных дискурсивных практик, в связи с чем возникают, например, такие научные направления, как обыденная лингвополитология, призванная подвергнуть анализу речи неконвенциональных — при всей относительности, субъективности данного определения — политиков или даже (потенциальных) избирателей.

Гибридизации дискурсов способствует стремительная виртуализация общения — его перенесение в Интернет, в свою очередь, влекущее неизбежную демократизацию дискурсов и, как следствие, допущение в рамках них того, что традиционно им было несвойственно. Не последнюю роль в описываемом процессе играет и депрофессионализация коммуникации, под которой условимся понимать тяготение людей к формам самовыражения, прямым образом не соотносящимся с их профессиональной деятельностью либо вовсе

ей противоречащим, в связи с чем в области лингвоперсонологии предложены термины «профессионально-неориентированная» и «непрофессионально-ориентированная» языковая личность (Сорокина, 2017, с. 274).

В настоящей статье обратимся к материалу американского мотивационного дискурса, конструируемого при непосредственном участии известных политиков: Б. Обамы, М. Рубио, Д. Трампа и др., — выделив основные черты и механизмы гибридизации, рассмотрев структурные и лингвостилистические особенности соответствующих текстов, создаваемых как минимум на пересечении двух дискурсивных практик — мотивационной и политической.

Степень разработанности научной темы диктуется тем, что, с одной стороны, в академической литературе уже представлено довольно много работ, посвященных гибридному дискурсу (Тихомиров, Ахренова, 2024; Соколова, 2020; Чижевский, 2016), гибридным жанрам (Юань, 2024; Прокофьева, Щеглова, 2024), поликодовому тексту (Беляков, Максименко, 2024), разным семиотическим системам, модальностям и особенностям их варьирования (Ovagimian, Kiose, 2024), но, с другой стороны, по имеющимся у нас сведениям, в лингвистике не изучены в достаточной мере возможности пересечения политической и мотивационной коммуникативно-дискурсивных практик, что определяет новизну предпринимаемого исследования. Его же актуальность объясняется необходимостью более подробного освещения феномена дискурсивной гибридизации и нахождения векторов дальнейшего развития дискурсивной лингвистики, призванной обратиться к понятию «гибридный дискурс». Подчеркнем также несомненную социальную значимость как политического, так и мотивационного дискурса.

Теория дискурсивной гибридизации

Причины гибридизации дискурсов в современном мире многочисленны. Вслед за Д. П. Тихомировым и Н. А. Ахреновой отметим, что в начале XXI века произошла киберреволюция и, как следствие, возникла необходимость киберсоциализации человека (Тихомиров, Ахренова, 2024, с. 92).

Данные процессы можно также соотнести с терминами «виртуализация», «цифровизация», или «дигитализация». Иными словами, теперь дискурсы — политический, спортивный, развлекательный, музыкальный, мотивационный и т. д. — существуют нередко в первую очередь в Интернете, упрощаясь, освобождаясь от некоторых формальностей, подчиняясь специфическим правилам глобальной сети, находящимся в состоянии постоянной флуктуации, хотя бы в связи с неизбежно ускоряющимся техническим прогрессом и появлением новых айфонов, планшетов, ноутбуков, мессенджеров, сайтов, видеоплатформ, компьютерных игр, способов интеракции между участниками виртуальных комьюнити.

По мнению М. А. Мирошниченко, под воздействием киберреволюции происходит коренная трансформация культурных ценностей, в частности

возникает эталон успеха, предполагающий достижение авторитета личностью в интернет-пространстве. Одновременно возрастает индивидуализм, а акцент переносится на конкурентоспособность, самореализацию и ориентированность на победу любой ценой (Мирошниченко, 2024, с. 38).

Излишне говорить, что многое из этого как минимум для русского менталитета традиционно было несвойственно. Как писал Л. Н. Толстой, «одного русского человека почти никогда нет (нечто когда он делает что-нибудь плохое, тогда — я). А то семья — мы, артель — мы, общество — мы» (Толстой, 1983).

Помимо виртуализации и под ее влиянием смешения аксиологических установок, роль в процессе гибридизации играет последовательное возрастание развлекательности в дискурсах, в связи с чем модными, хотя все еще порой воспринимаемыми в качестве новых, становятся термины, заимствованные из английского языка, такие как «политеймент», «инфотеймент», «эдьютеймент», «сайенсеймент» и др. Все они представляют собой слова-бумажники, вторым компонентом которых является усеченная лексема ‘entertainment’ — «развлечение».

Относиться к происходящему увеличению элементов интерактивности и несерьезности в общении можно по-разному, в том числе резко негативно. «Наша склонность к смешиванию новостей с развлечением привела нас к культурной свалке, в которой мусор выдается за еду. Мы жадно набиваем себе им рты, не замечая, какой у него отвратительный вкус или то, что он жжет нам горло и рассекает язык», — полагает современная американская писательница (Millet, 2020). Неслучайно, что политеймент обозначается французским философом Б. де Жувенелем «цирком для безумцев» (Жувенель, 2010, с. 368).

В любом случае, как бы ни характеризовать гибридные теймент-дискурсы, сам факт их активного распространения — «на фоне бурного развития индустрии развлечений», по словам Е. Юань (Юань, 2024, с. 790), — достаточно очевиден и в социологических терминах соотносим со становлением, эволюцией и усложнением обществ изобилия и потребления.

По свидетельству О. В. Соколовой, понятие «гибрид» заимствовано в лингвистику из биологии и было востребованным еще в работах М. М. Бахтина, употреблявшего термин «гибридные конструкции». Оно не только соотносимо с теорией интердискурса, разработанной М. Пешё, рассматривавшим взаимопроникновение идеологических формаций, но и освещается в работах, обращающихся к гетеростилевой специфике, а также многоязычию, актуализируемому, например, в юридических текстах, зачастую допускающих совмещение английских, французских и латинских речений (Соколова, 2020, с. 51).

Смешивание языков наблюдается и в бытовых, и в песенных дискурсах. По мнению зарубежного исследователя, использование нескольких языков (англ. *code-switching*) — коммуникативная практика, к которой часто прибегают билингвы в повседневном общении, — но, представляя собой

стилистическую инновацию, производя риторический эффект, выполняя поэтическую функцию, она также применяется в музыке, в частности в англо-индо-незийских композициях (Kadir, 2021, p. 111).

В данной связи ясно, что в русле лингвистики гибридизацию следует трактовать не просто активным взаимодействием различных тематических областей, идеологий, мировоззрений, философий, вокруг которых выстраиваются дискурсы, но и соприкосновением разных языков, диалектов и, шире, семиотических систем. Распространение в Интернете и за его пределами креолизованных, или поликодовых текстов, включающих в себя одновременно вербальные и иконические элементы, как это имеет место с политической карикатурой, во многом отражает усиление гибридных тенденций самой культуры XXI века, причем влияние гибридизации, конечно же, выходит далеко за рамки языка и дискурса. В политологии, например, авторы все чаще ставят вопрос о новых ассиметричных формах конфликтов между государствами, которые принято именовать гибридными войнами (Чижевский, 2016, с. 270).

Согласно точке зрения Е. Юань, сегодня наблюдается интеграция медиапродуктов, СМИ (медиаконвергенция), телевизионных передач, массмедийных жанров (Юань, 2024, с. 791). Иными словами, гибридизация явственно проявляется и в профессиональной сфере, известной как журналистика, становящейся все более мультимодальной.

Как демонстрируют Н. А. Прокофьев и Е. А. Щеглова, в современных реалиях гибридным модификациям подвергаются научные тексты, перестающие быть элитарными, т. е. адресованными только узкой группе людей, что соотносится авторами с явлениями цифровизации и медиатизации. В этих условиях растет диалогичность научного дискурса, в котором акторами становятся люди, обладающие порой разными уровнями знаний (Прокофьева, Щеглова, 2024, с. 738), что способствует некоторому размытию традиционно строгой антиномии, свойственной институциональному дискурсу, «агент – клиент». То, что так оно и есть, на примере политической коммуникации обращали внимание и мы (Алексеев, Сорокина, 2024, с. 85).

Согласно результатам исследования, проведенного М. И. Беляковым и О. И. Максименко, многие массмедийные тексты по своим стилистическим характеристикам приближаются к разговорным. Как следствие, в некоторых словах, изначально употреблявшихся в научном дискурсе, например «парадигма» и «дискурс», происходят семантические сдвиги, и они обрастают в речи журналистов новыми коннотативными значениями (Беляков, Максименко, с. 174–175), превращаясь в консубстанциональные термины. На происходящие трансформации подобного рода указывается одновременно в других лингвистических работах (Самойлова, 2022, с. 194; Филясова, Мохаммад, с. 94).

Мотивационный и политический дискурсы: возможности для гибридизации

Политику можно обозначить сферой тотального (Алексеев, Сорокина, 2024, с. 9): политический дискурс, будучи сильным дискурсом, имеет тенденцию проникать во все другие сферы общения — педагогическое общение (так называемые «разговоры о важном»), медицинское (пандемия), юридическое (политические преследования и/или попытки со стороны обвиняемых перевести уголовные дела в разряд политических), бытовое (политические анекдоты) и т. д. Не является исключением из этого правила, конечно, и мотивационный дискурс, привлекающий внимание исследователей ввиду все более выраженной значимости мотивации в жизни индивида, ее способности воздействовать на мировосприятие личности (Хутыз, 2022, с. 101–102). Сегодня активно изучаются такие аспекты мотивационного дискурса, как использование в нем диалога, его жанрово-стилистическая организация (Гилясов, 2016), пересечение с другими коммуникативно-дискурсивными пространствами (Филатова, 2024).

По мнению И. П. Хутыз, мотивационный дискурс, конструируемый в самых различных профессиональных контекстах, характеризуется особой экспрессивностью, полифоничностью, высокой степенью pragmatичности, в результате чего адресат становится его центральной категорией (Хутыз, 2022, с. 100). Целью мотивационного дискурса является побуждение человека изменить свое видение реальности, а следовательно, и модель поведения. Одна из главных функций, выполняемых таким дискурсом, — суггестивная, или внушительная, позволяющая воздействовать на чувства людей (Гилясов, 2016, с. 39).

Несложно установить, что эти же наблюдения релевантны и для сферы политического общения. Как отмечает А. В. Самойлова, на первый взгляд, политический дискурс должен быть предельно логичным, лишенным каких-либо фактуальных искажений. С одной стороны, предполагается, что политический текст будет элитарным, образцовым речевым произведением, но, с другой — одновременно доступным для понимания широкими массами; в его пространстве языковая личность обязана демонстрировать сдержанность и дипломатический подход к решению проблем. Однако, на самом деле, тенденции развития политических институтов, подверженных демократизации и американизации, ведут к тому, что все чаще государственные деятели выражаются достаточно непринужденно, порой давая волю эмоциям, нарушая дискурсивные запреты, отвергая и политкорректность, и моральные нормы (Самойлова, 2022, с. 194). Если политики прошлого строго следовали всем конвенциям, накладываемым спецификой их профессии, то современные представители власти, такие как Б. Джонсон, нередко отвергают их (Ахметова, Зиатдинова, 2024, с. 32–33). В результате аналитикам необходимо принимать во внимание фактор непредсказуемости, сознательно актуализируемый,

например, в высказываниях Д. Трампа, порой склонного менять свою точку зрения на прямо противоположную (Спиридовский, 2024, с. 87).

Можно сказать, что размываются сами границы политического дискурса, что связано с некоторыми обстоятельствами. Во-первых, новые технологии значительно облегчают продуцирование политического контента, позволяя людям, вовлеченным в политическую деятельность, быстро создавать материалы и делиться ими с широкой аудиторией.

Во-вторых, прогрессирующая аполитизация общества — его утрата интереса к политике — побуждает спикеров к привнесению в свой дискурс элементов развлекательности (политеинмента), эпатажа, невежливости, что pragmatically эффективно, поскольку позволяет заинтриговать потенциального адресата. На немецком языке это обозначается как ‘*Aufmerksamkeitskampf*’ — «борьба за привлечение внимания». Выделяется даже специальная функция языка — возбуждать интерес к происходящему и публичной личности (*nem. Aufmerksamkeitserregung Funktion*) (Janich, 2012, S. 6).

В-третьих, даже в науке не наблюдается какого-либо универсального понимания терминов «политика», «политик», что во многом обусловлено их консубстанциональным характером. В рамках же стратегии самомаргинализации, описанной в наших работах, даже со стороны претендентов в президенты модным становится делать амбивалентные заявления типа «Я не политик» (Д. Трамп, Б. Карсон, К. Фиорина и др.) (Алексеев, Сорокина, 2024, с. 351).

В свете сказанного возможности для гибридизации дискурсов, подверженных депрофессионализации — отвержению говорящими профессионального компонента общения, отказу от следования институциональной норме, — обширны. Если же говорить конкретно о политическом и мотивационных дискурсах, то между ними изначально можно установить немало общего, поскольку в их основе лежит установка на побуждение к изменению системы мысли и призыв к определенному действию, что в значительной степени облегчает их процесс совмещения в ходе реальной коммуникативной деятельности.

Итак, под мотивационно-политическим дискурсом условимся понимать гибридный тип дискурсивной практики, чаще всего институциональной, располагающейся на стыке политических и мотивационных тем. Ее главная лингвопрагматическая цель — вдохновить адресата, повысить его самооценку, склонив к позитивному мышлению и действию в интересах не только личности, но и всего общества. Адресантами в мотивационно-политическом дискурсе выступают в первую очередь политики, целевая же аудитория — это молодые люди, изображаемые способными изменить не только свою жизнь, но и условия существования других граждан к лучшему.

Материал и методология исследования

Материалом предпринимаемого исследования послужили речи американских политиков — Б. Обамы, Б. Сандерса, А. Окасио-Кортес, Б. Карсона, М. Рубио, Д. Трампа, — либо преимущественно посвященные мотивационной тематике, как это имеет место с рассматриваемым нами выступлением 44-го президента США, адресованным американской молодежи и призванным побудить подростков достойно учиться в школе и приоритизировать образование, либо в рамках интердискурсивности как минимум содержащие некоторые фрагменты, которые могут быть обозначены мотивационными. В фокус внимания попадают семь речей разной длительности. Общее время просмотра составляет 52 минуты.

В качестве методологии избран прежде всего дискурс-анализ, представляющий собой, по мнению А. Леонард, даже не столько способ достижения исследовательских целей, сколько общий вектор изучения. Дискурсивное видение языковых и коммуникативных явлений и процессов предполагает междисциплинарный подход, и в данной связи оно допускает использование порой весьма отличных друг от друга качественных и количественных методик (Leonard, 2010, p. 11).

Важную роль в дискурсологии играет социальный конструкционизм, противопоставляемый эссенциализму, т. е. признанию некоторых неизменных, априори свойственных феноменам качеств, и предполагающий, что социальный мир — материальный и духовный — не предзначен, но постоянно создается (вновь). Особенно это наблюдается в области языка, чей лексико-семантический пласт подвержен стремительным изменениям — по принципу, суммируемому Л. Макенсеном так: «под X я (говорящий) буду подразумевать то-то, вопреки ранее существовавшему пониманию» (Mackensen, 1973, S. 26).

Среди общенаучных методов, применяемых нами, отметим наблюдение, описание, сравнение, индукцию. В качестве частных методов в работе представлен критический дискурс-анализ (КДА), разработанный Т. ван Дейком, Н. Фэркло, Р. Водак, под влиянием работ М. Фуко предполагающий подход к дискурсу как к социальной практике, вписанной в системы идеологии и власти — в широкой трактовке последней (Mills, 2004, p. 9). Для определения коннотативных значений слов и уточнения особенностей американского мотивационно-политического дискурса использовались методы содержательно-контекстуального, лингвостилистического, лингвопрагматического и количественного анализа.

Результаты исследования

Мотивационный дискурс призван вдохновлять адресата, побуждать его мыслить позитивно, действовать решительно, не бояться сложностей, быть смелым, преодолевать любые препятствия на жизненном пути. Одновременно эти же аспекты могут иметь центральное значение для политических речей, как в следующем примере:

Ocasio-Cortez: *Women like me are not supposed to run for office. I was not born to a wealthy or powerful family. Mother from Puerto Rico (pronounced with a strong Spanish accent), dad from the South Bronx. I was born in a place where your zip code determines your destiny. <...> And going into politics was not in a plan. But after 20 years of the same representation, we have to ask: who has the New-York been changing for? <...> It's time to **fight** for New-York that working families can afford. That's why I am running for Congress. This race is about people versus money: we've got people, they've got money.* («Предполагается, что женщины, как я, не будут избираться. Я не родилась в богатой или влиятельной семье. Мать из Пуэрто-Рико (произносится с сильным испанским акцентом), отец из Южного Бронкса. Я родилась в том месте, в котором почтовой индекс определяет судьбу. <...> И заниматься политикой не было в моих планах. Но после 20 лет, в течение которых одни и те же политики представляли наш город, мы должны спросить: в пользу кого менялся Нью-Йорк? <...> Настало время **сражаться** за Нью-Йорк, доступный для рабочих семей. Вот почему я баллотируюсь в Конгресс. Эта политическая кампания определяется формулой «люди против больших денег»: у нас есть люди, у наших оппонентов есть деньги»)¹.

Конгрессвумен не только подчеркивает свое происхождение из небогатой семьи, но и делает акцент на том, что по матери она пуэрториканка, прибегая к коммуникативной стратегии, близкой к самомаргинализации (Алексеев, Сорокина, 2024, с. 349–350), тем более что в приведенном высказывании есть указание и на то, что А. Окасио-Кортес изначально не планировала заниматься политикой (маргинализация по модели «Я не-политик»²) (Там же, с. 351), однако происходящие изменения в Нью-Йорке, благоволящие исключительно богатым, вынуждают простых американцев открыто выражать свой протест всеми доступными им средствами. Тем самым конструируется оппозиция «мы – они», имеющая центральное значение для политической коммуникации.

По словам А. Окасио-Кортес, там, где она родилась, почтовый индекс (zip code) определяет судьбу человека — данная метонимия призвана передать идею о том, что в среде бедных людей внешние по отношению к человеку обстоятельства часто более важны, чем любые личностные характеристики.

Центральным концептом мотивационно-политического дискурса является понятие ‘*fight*’ — «бороться», «борьба». Причем борьба — в данном случае за Нью-Йорк, в котором рабочие семьи смогут достойно жить, — представляется А. Окасио-Кортес единственным верным, правильным путем. Имплицируется идея, способная вдохновить адресата, что это борьба не только праведная, но и способная принести результат, способная увенчаться победой, — борьба людей против больших денег. С точки зрения лингвостилистического анализа употребляются метонимии (*people versus money* — «люди против денег»),

¹ Здесь и далее перевод наш. — А. Б., Э. А.

² От англ. ‘non-politician’. Дефис факультативен, но используется нами по аналогии с английским.

обильно используются параллельные конструкции, столь свойственные политическим выступлениям, принимающие формы анафорического повтора (I... I... I've..., I've — «Я... Я... Я... Я...») и антитезы (I was not born... I was born... ...we've got people, they've got money — «Я не родилась... Я родилась... у нас есть люди, у наших оппонентов есть деньги»). В речь вводятся элементы диалога, задается риторический вопрос аудитории, ответ на который предопределяется контекстом.

Концепт «борьба», соотносимый, по сути, с понятийным комплексом «борьба за справедливость», актуализируется А. Окасио-Кортес и в следующем фрагменте дискурса:

Ocasio-Cortez: *Are you all ready to make a ruckus? Are you all ready to **fight** for our rights? <...> Because when we talked about racial and economic justice, racial and social justice, we started to really extend those issues to the issues of economic justice, environmental justice, and the intersectionality and interconnectedness of all our **fights**. <...> Justice is about making sure that being polite is not the same thing as being quiet. In fact, often times the most righteous thing you can do is to shake the table. <...> This year we're gonna organize. This year we're gonna **fight** for voting rights. This year we're gonna keep pushing... That's what we're gonna do because we need to advance and **fight** for an America where all people are equal and no people left behind. And I know that while this year has been historic, there is lot more congresswoman left here in this audience right now. There's a lot more workers that will be building businesses, there's lot more — and I know there's a future president out here too. Let us remember that a **fight** means no person left behind.* («Вы все готовы устроить шум? Вы готовы **бороться** за наши права? <...> Потому что, когда мы заговорили о расовой и экономической справедливости, расовой и социальной справедливости, мы стали расширять эти вопросы, связывать их с экономической справедливостью, экологической справедливостью. За что бы мы ни **боролись**, наша **борьба** часто пресекается с **борьбой** других людей... Справедливость предполагает, что вежливость не равнозначна молчанию. На самом деле, нередко самое правильное, что вы можете сделать, — это устроить переполох. В этом году мы будем организовываться. В этом году мы будем **бороться** за избирательные права. В этом году мы будем продолжать давить на правительство. <...> Вот чем мы будем заниматься, потому что нам необходимо **бороться** за Америку, в которой все люди равны и никто не оставлен без внимания. И я знаю, что в то время как этот год был историческим, среди моей аудитории прямо сейчас есть женщины, которые будут представлены в Конгрессе. Среди нас есть рабочие, которые будут создавать новые бизнесы. Среди нас есть — и я знаю это — даже будущий президент. Давайте запомним, что наша **борьба** предполагает, что никто не останется без внимания»).

Используя риторические вопросы, поясняя, что означает слово «справедливость» в широком социополитическом смысле, конгрессвумен утверждает, что в этом году она и ее сторонники будут еще более активно продвигать свою повестку дня — данная мысль выражается с помощью анафор, побуждающих

к действию: ‘This year we’re gonna... This year we’re gonna...’ («В этом году... В этом году...»). Идиоматические и разговорные фразы типа ‘shake the table’, ‘make a ruckus’ («устроить переполох», «устроить шум») также призваны указать на необходимость решительных действий со стороны оппозиции. Для того чтобы вербализуемые идеи могли лучше запомниться, употребляются параллельные конструкции и повторения.

Мотивационный аспект выражен в рассматриваемом примере эксплицитно: указывается на то, что, с одной стороны, уже произошли исторические события, но, с другой — А. Окасио-Кортес убеждена в огромном, все еще до конца не реализованном потенциале ее аудитории, вплоть до того, что, по мнению политика, не только будущие бизнесмены, сенаторы, но и сам будущий президент США тоже сейчас участвует в протестном марше.

Помимо концепта «борьба», в мотивационно-политических речах говорящие часто обращаются к концептам «мечта» (*dream, vision*) и «вдохновение» (*inspiration*):

— *I want to know: what part of that dream inspired into the streets when you are young, inspired you to risk your life, going to jail when you are young, and beat up by the cops when you were young and still inspires you now?*

— Sanders: <...> *I just hated to see people pushed around. I hated to see people with power taking advantage of people who didn’t have any power. And maybe when you grow up in family that doesn’t have a lot of money, and you see, you know, people on top doing all kinds of things to people on the bottom... It brought forth a reaction to me that said I’m gonna fight that type of injustice in my life...* («Я бы хотел знать, какая **мечта вдохновила** вас протестовать, когда вы были молодыми, **вдохновила** вас рисковать своей жизнью, своей свободой, **какая мечта побуждала вас**, когда вы были молодыми, не бояться побоев со стороны полицейских? И какая **мечта** вдохновляет вас сейчас?») — Сандерс: <...> Я просто ненавидел, когда людей унижали. Я ненавидел, когда мне приходилось наблюдать, как люди, наделенные властью, пользовались людьми, лишенными власти. И, возможно, когда растешь в бедной семье, начинаешь замечать, что люди наверху социальной иерархии допускают всякие виды несправедливости по отношению к людям, находящимся внизу социальной лестницы. Это вызвало во мне такую реакцию, что я сказал себе: в своей жизни я буду **бороться** против этой несправедливости).

Отвечая на поставленный вопрос, непосредственно относящийся к теме мотивации — сторонник политика хочет знать, что вдохновляло и до сих пор вдохновляет кандидата в президенты в его борьбе за справедливость, — сенатор Б. Сандерс подчеркивает, что он вырос в семье, у которой не было больших денег. Как следствие, ему с раннего детства приходилось видеть, как богатые люди часто пользуются своими возможностями в ущерб интересам бедных. Неприятие общественного неравенства и побудило Б. Сандерса с раннего возраста участвовать в протестных акциях.

Лингвопрагматический эффект достигается лексическими повторениями, позволяющими акцентировать ключевые слова речи, в частности глагол ‘*hate*’ — «ненавидеть». Также говорящий самоидентифицируется со своей аудиторией, употребляя не только местоимение ‘I’ — «я», но и ‘you’ — «вы».

По мнению политика, главное для сторонников перемен — держаться вместе и иметь мечту (*vision*). На значимость концепта ‘*vision*’ указывают политические манифести прошлого и священные книги, такие как Библия:

Sanders: *And if we stand together, we don't let Trumps of the world top to divide us up. If we have a vision — you know, Doctor King talked about a vision, the Bible talks about a vision — people can't go forward without a vision. We know what a vision is. We know what the vision is... We just need to stand together and fight for that vision. And if we do that, there's nothing that we cannot accomplish.* («И если мы сплотимся, мы не позволим Трампам этого мира разъединить нас. Если у нас есть **мечта** — вы знаете, Доктор Кинг говорил о **мечте**, Библия повествует о **мечте**. Люди не могут двигаться вперед без **мечты**. Мы знаем, что такое **мечта**. Мы знаем, что такое наша **мечта**. Мы просто должны сплотиться и сражаться за эту **мечту**. И если мы будем это делать, **нет ничего, что мы не могли бы достичнуть**»).

Б. Сандерс с помощью приема «деонимизация» использует имя своего соперника как нарицательное существительное, на что указывает употребление его во множественном числе — ‘*Trumps*’, — а также добавление маркера ‘*of the world*’. «Трампы этого мира» в речи сенатора — это олигархи, миллиардеры, сверхбогатые граждане, которые стремятся разъединить людей. Несмотря на их усилия, сенатор убежден, что нет ничего, чего не могли бы достичь простые американцы, если у них будет вера в мечту — ту, которая изложена в выступлениях Мартина Лютера Кинга; ту, которая отражена в Библии; ту, которая озвучивается и его сторонниками. Неслучайно слово ‘*vision*’ повторяется семь раз, вначале с неопределенным артиклем, но затем конкретизуется как с помощью артикля ‘*the*’, так и дейктического маркера ‘*that*’.

Итак, на основании анализа уже приведенных примеров можно сделать вывод, что мотивационные элементы порой играют важную, системообразующую роль в системе политического дискурса. Основные механизмы гибридизации на пересечении политических и мотивационных смыслов — внесение в канву политического общения мотивирующих концептов, иногда пересекающихся даже с отсылками к религиозным текстам, прежде всего к Библии, прагматическое оттенение политиками праведного характера борьбы за социальную справедливость, дающей личности *экзистенциональный смысл*, идентификацию ими со своей аудиторией по принципу «Я могу, значит можете и вы», в результате чего эксплицитно или как минимум имплицитно проводится мысль, что успех в жизни — вопрос приложения усилий, труда и не определяется происхождением человека, его расовой принадлежностью или любыми иными, по идеи, предзаданными характеристиками³.

³ Несмотря на свою внешнюю предзаданность, понятия расы, национальности — даже гендера и возраста — одновременно являются конструктами дискурса.

Гибридизация между рассматриваемыми нами коммуникативными средами иногда достигается и при непосредственном доминировании мотивационной темы, как это имеет место в речи 44-го президента США Б. Обамы, адресованной американской молодежи. В ней известный государственный деятель обращается к своему прошлому, отмечая, что он выходец из простой семьи и его мать не могла позволить себе дать ему платное образование и, как следствие, сама учила его по утрам перед работой:

Obama: *When I was young, <...> I lived in Indonesia for a few years. And my mother, she didn't have the money to send me where all American kids went to school. But she thought it was important for me to keep up with American education. So she decided to teach me extra lessons herself — Monday through Friday. But because she had to go to work, the only time she could do it was 4:30 in the morning. But whenever I complained, my mother would just give me one of those looks and she'd say: 'This is not a picnic for me either, Buster'.* («Когда я был маленьким, <...> я несколько лет жил в Индонезии. И у моей мамы, у нее не было денег, чтобы отправить меня учиться, куда ходили все американские дети. Но она считала, что для меня было важно не отстать от американской программы обучения. Итак, она решила преподавать мне дополнительные уроки сама — с понедельника по пятницу. Но, поскольку она должна была выходить на работу, единственное время, когда она могла учить меня, было в 4:30 утра. Но когда я стал протестовать, она посмотрела на меня так и сказала: “Для меня это тоже не пикник, дружище”»).

Риторическое воздействие достигается в данном случае включением в дискурс деталей, позволяющих говорящему оттенить определенные пласты смысла, а именно обратить внимание адресата на те сложности, с которыми он сталкивался еще в детстве, живя даже не в США, а в Индонезии. Техника сконструированного диалога, часто применяемая в мотивационных выступлениях, но не чуждая, наверное, и политическим нарративам, воссоздает ситуацию реального общения между ребенком, протестующим против ранних уроков, и его матерью, убежденной, что такого рода занятия, какими бы трудными они ни были для нее самой, пойдут ее сыну на пользу.

В следующем примере Б. Обама употребляет анафору (*There were times when I... There were times when I...* — «Были времена, когда я... Были времена, когда я...»). Политик подчеркивает, что он воспитывался без отца и нередко чувствовал себя одиноко, фактически аутсайдером. Как следствие, будущий президент отнюдь не всегда посвящал себя школе и иногда делал вещи, о которых он сожалеет, хотя благодаря удаче, предоставлявшей вторые шансы, ему удалось поступить в университет и воплотить в жизнь свои мечты:

Obama: *There were times when I missed having a father in my life. There were times when I was lonely and I felt like I did not fit in. So I wasn't always as focused as I should have been on school and I did some things that I'm not proud of. And I got in more trouble than I should have. And my life could have easily taken a turn for the worst. But I was, I was lucky. I got a lot of second chances. And I got an opportunity to go to college and law school and follow my dreams.*

(«Были времена, когда я скучал по отцу. Были времена, когда я ощущал одиночество и чувствовал себя изгоем. Таким образом, я не всегда уделял много времени школе, как мне следовало бы делать, и я совершал поступки, о которых сейчас сожалею. И у меня возникали проблемы чаще, чем могло бы быть. Моя жизнь могла легко свернуть не на ту колею. Но мне, мне везло. Жизнь давала мне много вторых шансов. И у меня появилась возможность поступить в университет и в школу права и реализовать свою мечту»).

Таким образом, концепт «мечта», пересекающийся с выражением «американская мечта», играет системообразующую роль в мотивационно-политическом дискурсе.

Обратим внимание на морализаторский подтекст некоторых достаточно критических высказываний политика о себе и своем прошлом — на лексико-грамматическом уровне это передается с помощью использования модальной конструкции с глаголом ‘should’ («следовало бы») и перфектным инфинитивом.

Б. Обама признает, что не все молодые люди, сталкивающиеся с проблемами, могут иметь те возможности, которые предоставила судьба ему, но при этом политик не сомневается, что его аудитория талантлива, и главное — найти и раскрыть свой талант:

Obama: Maybe, you do not have adults in your life who can give you the support that you need. Maybe, someone in your family has lost their job and there isn't enough money to go around. Maybe, you live in a neighborhood where you don't feel safe or have friends who are pressuring you to do things you know aren't right. Maybe, you could be a great writer, maybe even good enough to write a book or articles in the newspaper but you might not know it until you write that English paper, that English class paper that's assigned to you. Maybe, you can be an innovator or an inventor; maybe even good enough to come up with the next iPhone or the new medicine or vaccine. But you might not know it until you do your project for your science class. Maybe you could be a mayor, or a senator, or a Supreme Court justice. But you might not know that until you join student government or a debate team. («Возможно, в вашей жизни нет взрослых людей, которые бы могли оказать вам поддержку, в которой вы нуждаетесь. Возможно, кто-то в вашей семье потерял работу, и в семье не хватает на всех денег. Возможно, вы живете в районе, в котором вы не чувствуете себя в безопасности, или у вас есть друзья, которые оказывают на вас давление и побуждают делать вещи, которые, как вы знаете, делать не следует. Возможно, вы могли бы стать писателем, возможно даже достаточно хорошим, чтобы написать книгу или опубликовать статьи в газете, но вы, вероятно, не узнаете об этом до тех пор, пока не напишите эссе по английскому языку, эссе, которое вы должны написать. Возможно, вы могли бы стать изобретателем, возможно достаточно хорошим, чтобы изобрести следующий айфон или новую вакцину и лекарство. Но вы, вероятно, об этом еще не знаете — до тех пор, пока не сделаете проект по естествознанию. Возможно, вы могли бы стать мэром, сенатором или верховным судьей.

Но вы, вероятно, об этом не узнаете — до тех пор, пока не вступите в ряды студенческого самоуправления или не примите участие в командных дебатах»).

Обилие параллельных конструкций, выражаемых в первую очередь анафорами (Maybe... Maybe... Maybe... Maybe... But you might... But you might... — «Возможно... Возможно... Возможно... вы могли бы... Но вы, вероятно... Но вы, вероятно...»), но также употреблением похожих по структуре предложений, придает речи особый динамизм и обращает внимание адресата на одну из центральных идей выступления — достижение успеха в жизни возможно, но для этого необходимо прилагать усилия и пробовать себя в той или иной деятельности.

Несмотря на то что рассматриваемый фрагмент дискурса конструируется при непосредственном доминировании мотивационной темы, вплетаются в него и политические аспекты. В частности, Б. Обама утверждает, что достижения американской молодежи — это не просто их личное дело, но от того, насколько эффективно будут учиться дети и подростки, зависит будущее США и всего мира:

Obama: What you make of your education will decide nothing less than the future of this country. The future of America depends on you! What you are learning in school today will determine whether we as a nation can meet our greatest challenges in the future. You'll need the knowledge and problem-solving skills you learn in science and math to cure diseases like cancer and AIDS and to develop new energy technologies and protect our environment. You'll need then insights and critical thinking skills you gain in history and social studies to fight poverty and homelessness, crime and discrimination and make our nation more fair and more free (sic.). You'll need the creativity and ingenuity you develop in all your classes to build new companies. («Что вы сделаете со своим образованием — это предопределит судьбу нашей страны. Будущее Америки зависит от вас! Что вы учите сейчас в школе, — это даст ответ на вопрос, сможем ли мы как страна принять вызовы будущего. Вам потребуются знания и навыки решения проблем, которые вы приобретаете на уроках по естествознанию и математике, чтобы лечить болезни, такие как рак или СПИД, чтобы развивать новые технологии в сфере энергетики и защищать нашу окружающую среду. Вам потребуются сведения из истории и социально-гуманитарных дисциплин, а также навыки критического мышления, которые вырабатываются на этих занятиях, чтобы бороться с бедностью и решить проблему бездомных людей, чтобы противостоять преступности и дискриминации, чтобы сделать нашу страну более справедливой и более свободной. Вам потребуется креативность и изобретательность, которые прививаются в рамках всех предметов, чтобы строить новые компании»).

Среди средств лингвопрагматического воздействия, обильно используемых политиком, отметим анафоры (What you... What you... You'll need... You'll need... — «Что вы... Что вы... Вам потребуются... Вам потребуются...»), контекстуальные синонимы, риторические восклицания.

Президент побуждает свою аудиторию приобретать новые знания и навыки, связывая образование с возможностью преодолеть вызовы XXI века и, победив бедность, преступность и дискриминацию, сделать Америку более свободной и честной страной. Особо подчеркивается, что если молодые люди забрасывают школу, они подводят не только себя, своих родных и близких, но и всю страну:

Obama: *We need every single one of you to develop your talents and your skills and your intellect, so you can help us old folks solve our most difficult problems. If you don't do that, if you quit on school, you aren't just quitting on yourself, you are quitting on your country.* («Нам нужен каждый из вас. Вы должны развивать свои таланты, оттачивать свои навыки, повышать свой интеллект так, чтобы вы могли помочь нам, людям старшего поколения, решить наиболее сложные проблемы. Если вы этого не сделаете, если вы бросите школу, вы плонете не только на свое будущее, вы плонете на будущее вашей страны»).

По мнению политика, нельзя найти оправдания поведению, которое ставит под угрозу академический успех: нет оправдания тому, что учащиеся не делают домашнее задание, дерзят взрослым, прогуливают занятия или вовсе решают отчислиться из образовательного учреждения:

Obama: <...> *The circumstances of your life — what you look like, where you come from, how much money you have, what you've got going on at home — none of that is an excuse for neglecting your homework or having bad attitude in school. That's no excuse for talking back to your teacher, or cutting class or dropping out of school. There is no excuse for not trying.* («<...> Обстоятельства вашей жизни — как вы выглядите, откуда вы родом, сколько у вас денег, что происходит у вас дома, — все это не оправдание для того, чтобы не делать домашнее задание. Это не оправдание для того, чтобы отговаривать учителя или прогуливать занятия, это не оправдание для того, чтобы бросить школу. Нет оправдания тому, что люди сдаются, даже не пробуя»).

Параллельные и вводные конструкции, а также лексические повторения, в частности акцентирование слов ‘no excuse’ («не оправдание»), служат функции расстановки акцентов и оттенения важной информации.

Обращение к концепту «американская мечта» дает Б. Обаме основания утверждать, что в его стране люди сами делают свою судьбу. Именно поэтому говорящий призывает (потенциального) адресата ставить перед собой образовательные цели и делать все возможное для их достижения:

Obama: *No one's written your destiny for you. Because here in America you write your own destiny, you make your own future. That's what young people like you are doing every day all across America. That's why today I'm calling on each of you to set your own goals for your education and do everything you can to meet them.* («Никто не предначертал вашу судьбу за вас. Потому что здесь, в Америке, вы сами творите свою судьбу, сами создаете свое будущее. Это то, что делают молодые люди, как вы, по всей Америке. Вот почему сегодня я призываю вас ставить образовательные цели и делать все, что только в ваших силах, чтобы достичь их»).

Политик связывает успех не только с будущим Америки, но и с ее славным прошлым, отмечая, что государственные деятели в США никогда не сдавались и преодолевали все сложности на своем пути:

Obama: The story of America isn't about people who quit when things got tough. It's about people who kept going, who tried harder, who loved their country too much to do anything less than their best. It's a story of the students who sat where you sit 250 years ago and went on to wage a revolution and they founded this nation, young people. Students who sat where you sit 75 years ago who overcame a depression and won a world war; who fought for civil rights and put a man on the moon. Students who sat 20 years ago who founded Google, and Twitter, and Facebook... So today I wanna ask all of you: what's your contribution gonna be? What problems are you going to solve? What discoveries are you going to make? («История Америки не связана с людьми, которые легко сдавались, когда сталкивались со сложностями. Это история о людях, которые продолжали свой путь, которые старались еще сильнее, которые любили свою страну слишком сильно, чтобы стараться меньше, чем изо всех сил. Это история о студентах, которые 250 лет назад сидели там, где сидите вы сейчас, и которые организовали революцию, основав нашу нацию. Это были молодые люди. Это история о студентах, которые 75 лет назад сидели там, где сидите вы сейчас, и которые преодолели Великую депрессию, которые победили в мировой войне. Это они сражались за гражданские права и высадились на луну. Это история о студентах, которые 20 лет назад сидели там, где сидите вы сейчас, и которые основали “Гугл”, “Твиттер”, “Фейсбук”... Таким образом, сегодня я спрашиваю вас: какой будет ваш вклад? Какие проблемы решите вы? Какие открытия сделаете?»).

Особо подчеркивается, что прогресс всегда исходил от молодых людей — с этой целью используется фигура речи, известная в стилистике как пролепсис, предполагающая, что в предложении функционируют два подлежащих, выраженных местоимением и существительным одновременно: ‘...and **they founded this nation, young people**’ («...и **они** основали нашу страну, **молодые люди**»). Также анафорический повтор ‘Students who sat... Students who sat...’ («Студенты, которые сидели... студенты, которые сидели...») призван передать ту же самую мысль — студенты всегда были в авангарде политических и экономических движений. Чтобы включить аудиторию в продуктивный диалог, Б. Обама задает ей вопросы, по сути, тоже носящие форму призыва: «...какой будет ваш вклад? Какие проблемы вы решите? Какие открытия вы сделаете?»

Как видно, в мотивационно-политическом дискурсе не только отражается образ (потенциального) адресата — чаще всего молодого человека в возрасте 16–35 лет, — но и активно создаются, конструируются, моделируются его желательные качества. Последние — в рамках рассматриваемой дискурсивной практики — это уже не только персональный выбор, но и ответственность личности перед обществом, перед своей страной.

Как и в собственно мотивационных видео, делается акцент на том, что успех почти невозможен без ошибок и временных неудач, и приводятся примеры карьерного пути Дж. К. Роулинг, автора книг о Гарри Потере, и Майкла Джордана, одного из лучших баскетболистов.

Obama: Some of the most successful people in the world are the ones who've had the most failures. J. K. Rowlings, who wrote Harry Potter; her first Harry Potter was rejected 12 times before it was published. Michael Jordan was cut from his high school basketball team. He lost hundreds of games and missed thousands of shots during his career. But he once said: 'I have failed over and over and over again in my life. And that's why I succeed'. These people succeeded because they understood that you cannot let your failures define you, you have to let your failures to teach you. You have to let them show what you need to do differently next time. («Некоторые из самых успешных людей в мире — это люди, которые терпели неудачи больше всех: Дж. К. Роулинг, которая написала книги о Гарри Поттере, — ее первые книги отвергали 12 раз, прежде чем их напечатали; М. Джордан, которого исключили из баскетбольной команды в старших классах. Однажды М. Джордан сказал: “В своей жизни я падал — снова, и снова, и снова — вот почему я достигаю успеха”. Эти люди достигли успеха, потому что они осознали, что нельзя разрешать неудачам определять, кто мы есть. Надо позволять неудачам учить нас. Неудачи должны показать нам, что нам следует сделать иначе в следующий раз»).

Говорящий не только вводит в дискурс элементы сконструированного диалога, но и непосредственно цитирует слова известного спортсмена, согласно которым ключом к победам служит опыт, приобретаемый главным образом благодаря поражениям.

Внедрение в мотивационно-политический дискурс элементов из иных сред коммуникации — в данном случае спортивной — оттеняет центральность спорта для мотивации, органическую связь этой области жизни с ориентированностью сильной личности на успех, достижения, расширение своих физических и духовных возможностей.

Важное значение в мотивационно-политическом дискурсе имеет риторика поступка. В данной связи показателен эпизод из политической жизни США июля 2024 г.: когда на Д. Трампа было совершено покушение в штате Пенсильвания, государственный деятель, подняв кулак, несколько раз выкрикнул: «Боритесь!». Этот смелый шаг, определяемый, помимо прочего, навыками и талантом управления публичным имиджем даже в экстремальных ситуациях, несомненно, привлек на сторону республиканца не только его сторонников, но и многих колебавшихся американцев, а сама тема борьбы стала центральной в речах 45-го президента:

Trump: I raised my right arm, looked at the thousands and thousands of people that were breathlessly waiting and started shouting: 'Fight, fight, fight!' («Я поднял правую руку, охватил взглядом тысячи и тысячи людей, которые ждали с замиранием сердца, и стал скандировать: “Боритесь, боритесь, боритесь!”»).

Использование эпитета ‘breathlessly’ — «с замиранием сердца», подчеркивание количества людей, невольно ставших свидетелями драматических, трагических событий, возможно несколько преувеличенных, создают необходимый прагматический эффект. Мотивационный призыв звучит в лозунге, построенном на фигуре речи, известной в стилистике как геминация (*лат. gemino* — удваиваю): «Боритесь, боритесь, боритесь!». Трехкратное повторение основной идеи — характерный прием, используемый многими ораторами.

На актуальность концепта «борьба» в соотнесенности с покушением на президента Д. Трампа, в результате которого было убито и ранено несколько человек, указывается и в выступлениях М. Рубио:

Rubio: *But now though bloodied by our wounds, we must stand up and we must fight – fight not with violence or destructions but with our voices and our votes, fight not against each other but for the hopes and dreams we share in common and make us one... And we will be not alone in this fight. For leading us in this fight will be a man who although wounded and facing danger, he stood up and raised his fist and reminded us that our people and our country are always worth fighting for.* («И теперь, — хотя и течет кровь из наших ран, — мы должны подняться и **бороться** — **бороться** не с помощью насилия или разрушения, но с помощью нашего голоса и голосов на выборах, **бороться** не против друг друга, но **бороться** за надежды и мечты, которые мы разделяем и которые объединяют нас. И в этой **борьбе** мы будем не одни. Потому что **вести в бой** нас будет человек, который, несмотря на то что он был ранен и подвергался опасности, поднялся с колен. Подняв кулак, он напомнил нам, что наши люди и наша страна стоят того, чтобы всегда бороться за них»).

Многочисленные повторения слова ‘fight’ («бороться», «борьба») свидетельствуют о его особой значимости в данной речи. Антифразы и метафоры — например метафорическое использование слова «раны», пересекающееся с дословным пониманием этого слова применительно к ситуации, в которой находился Д. Трамп, — позволяют политику четко определить, что значит борьба для него. По мнению республиканца, выражаемого посредством столкновения контекстуальных антонимов, бороться необходимо не при помощи жесткости и разрушения, но прежде всего посредством мирного протеста и голосов на выборах. Борьба должна вестись американцами не против друг друга, но за надежды и мечты, которые способны объединить нацию. При этом подчеркивается особая роль в предстоящей борьбе Д. Трампа как человека, который, несмотря на свое ранение, подвергаясь смертельной опасности, тем не менее встал на ноги и поднял кулак.

Еще один мотивационный аспект, звучащий в дискурсе М. Рубио, — это непосредственная референция к жизненному пути Дж. Ди Вэнса, выросшего в бедной семье, столкнувшегося с раннего детства со значительными сложностями и, вопреки всему, достигнувшему необыкновенного успеха. Имплицируется, что такая возможность, соотносимая с американской мечтой, представлена всем людям, проживающим в США:

Rubio: «*American*» isn't the color of our skin or our ethnicity. *American* are the people as diverse as the humanity itself. But out of many we are one. Because as the life story of our next vice-president J.D. Vance reminds us, we are all descendants of ordinary people who achieved extraordinary things. (*Applause*). Who do we come from? We come from pioneers who venture West to chase their dreams and slaves who overcame bondage to claim their right to the promise of America. We come from exiles who fled tyranny in search of freedom and of immigrants who left behind all they had and knew because they could not be or achieve God's purpose for their life in the nation of their birth. That is an American. («Американец») — это не цвет кожи или этническое происхождение. Американцы — настолько же многообразны, как само человечество. Но из многих мы едины. Поскольку, как напоминает нам жизненный путь нашего будущего вице-президента Дж. Ди Вэнса, мы все потомки ординарных людей, достигшие экстраординарных успехов. (*Аплодисменты*). Откуда наше происхождение? Мы происходим от первооткрывателей, которые с риском для своей жизни продвигались на Запад, преследуя свою мечту. Мы происходим от рабов, которые превозмогли пытки, чтобы заявить свои права на Американскую мечту. Мы происходим от изгнанников, которые спасались от тирании и искали свободу, от иммигрантов, которые оставляли все, что имели и знали, потому что они не могли достичь своей цели, дарованной им Богом, в стране, в которой они родились. Вот, что значит быть американцем»).

М. Рубио утверждает, что быть американцем не значит принадлежать какой-либо расе или этнической группе. Напротив, с помощью сравнения говорящий уподобляет США всему человечеству. Несмотря на такое многообразие Америки, политик, цитируя официальный девиз США (*out of many we are one* — лат. *E pluribus unum*) (*Out of many we are one* — лат. *E pluribus unum* — рус. Из многих — единое), доказывает, что американцы — это одна нация. Задавая вопрос о происхождении американцев, республиканец излагает точку зрения, согласно которой США — страна, чьи граждане демонстрировали невероятные подвиги, часто рискуя своей жизнью в стремлении познать «дикий Запад». Предки современных американцев порой были вынуждены пройти через рабство; многие из них были бедными иммигрантами, оставившими свои родные страны в поисках лучшей доли для себя и своих детей.

Обратим также внимание, что в своем выступлении М. Рубио упоминает Бога. Это достаточно типичный мотив рассматриваемой коммуникативной среды, объясняющийся тем, что вдохновение нередко можно почерпнуть из религии. Неслучайно политики иногда даже непосредственно приводят в своих речах слова из Библии, например как это имеет место в дискурсе Б. Карсона:

Carson: *I saw President Trump, a dear friend, escape death by mere inches. And my thoughts immediately turned to the book of Issiah that says: 'No one weapon formed against you shall prosper'*. (*Applause*). Well. Let me tell the weapons they used. First, they tried to ruin his reputation. And he is more popular than ever.

(*Applause*). And than they tried to bankrupt him. And he's got more money than he had before. And than they tried to put him in prison. And he is freer and has made other people free with them. And then, and then last weekend they tried to kill him. And there he is over there, alive and well. (*Applause*). («Я видел, как президент Трамп, мой дорогой друг, был буквально в нескольких дюймах от смерти. И мои мысли моментально обратились к книге пророка Исаии, в которой есть слова: “Ни одно орудие, сделанное против тебя, не будет успешно”. (*Аплодисменты*). Итак, позвольте мне рассказать вам об орудиях, которые они использовали. Вначале они попытались разрушить его репутацию. И сейчас он более популярный, чем когда-либо. (*Аплодисменты*). И затем они попытались сделать его банкротом. И у него больше денег, чем когда-либо было. И затем они попытались посадить его в тюрьму. И он свободнее, чем когда либо, и освободил других людей... И затем, затем, в прошлые выходные они попытались убить его. И вот он сидит, живой и невредимый. (*Аплодисменты*)»).

«Ни одно орудие, сделанное против тебя, не будет успешно», — гласит книга пророка Исаии. Исходя из этого постулата, политик, работавший в администрации 45-го президента США, конструирует образ Д. Трампа как человека, против которого «они» — при всех «их» стараниях — не могут ничего сделать. С помощью параллельных конструкций и антитет говорящий передает данные пластины смысла.

Религиозная тема проходит красной линией через все выступление Б. Карсона. В следующем эпизоде политик, вновь цитируя Священное Писание, призывает свою аудиторию ничего не бояться, акцентируя, что эта мысль повторяется в Библии 365 раз:

Carson: *The most repeated phrase in the Bible is: ‘Do not be afraid’ or ‘Fear not’. It appears 365 times in Scripture, a reminder to live each day with faith, hope and joy as joyful warriors for Christ* (*Applause*). *And if God is with us, no one can stand against. With this assurance from the Almighty, even the face of evil itself cannot shake our resolve. We will keep fighting, we will keep praying and by the grace of God we will save our country...* («Самая распространенная фраза в Библии “Не бойся!”. Она появляется в Священном Писании 365 раз и напоминает нам, что надо жить каждый день с верой, надеждой и радостью, жить как радостные воины Христовы. (*Аплодисменты*). И если Бог с нами, никто не может выстоять против нас. Имея это заверение от Всевышнего, даже перед лицом зла мы не утратим своей решимости. Мы продолжим бороться, мы продолжим молиться и с помощью Божьей благодати мы спасем нашу страну»).

Обилие слов с позитивной коннотацией — «вера», «надежда», «радость», «радостный» — призвано отразить те эмоциональные состояния, которыми Б. Карсон хочет руководствоваться. Оптимизм республиканца проявляется в его убежденности, что Бог на стороне американцев, в результате чего даже зло, упоминаемое в метафорическом выражении ‘the face of evil’ — «лицо зла», бессильно. Обращение к концепту «борьба» дает основание политику

не только заверить, что борьба будет продолжена, но с помощью религиозной метафоры обозначить соотечественников «воинами Христа». Иными словами, борьба здесь прямо связывается с религией, с молитвой.

Фигуративно используемое слово ‘warriors’ — «воины» — неоднократно актуализируется Д. Трампом по отношению к сторонникам:

(1) ...and seriously wounded two other great **warriors** — spoke to them today — David Dutch and James Kopenhaver. («...и серьезно ранил двух других великих воинов — говорил с ними сегодня — Дэвида Датча и Джеймса Копенхайвера»).

(2) They’re going to do very well. They’re **warriors**. («Они будут чувствовать себя очень хорошо. Они **воины**»).

Есть в речи Б. Карсона и указание на «американскую мечту», соотносимую нейрохирургом со своим жизненным путем — от ребенка из бедной из семьи, воспитываемого без отца, до известного врача и члена президентской команды:

Carson: *What does it mean to be American? Most will tell you that it means unlimited opportunity, that where you begin in life does dictate where you will end. That’s the America I grew up in. In no other country could a poor inner-city kid raised by a single mom make it to an Ivy league school, then to medical school, become a successful neurosurgeon, run for the president and eventually become a member of the president’s cabinet.* («Что значит быть американцем? Большинство людей скажут вам, что это означает неограниченные возможности — где вы начинаете свою жизнь, не определяет, где вы ее завершаете. Это Америка, в которой вопрос я. Ни в какой другой стране не мог бы бедный мальчишка из центральной части города, воспитывавшийся матерью-одиночкой, поступить в университет, входящий в Лигу плюща, а затем в медицинский институт, стать успешным нейрохирургом, баллотироваться на пост президента и в конечном итоге стать членом кабинета министров, сформированного президентом»).

Количественный анализ дает следующие результаты: концепт «образование» — 31 референция; «борьба» — 28 упоминаний; «справедливость» — 20. И далее в порядке убывания: «мечта», «Бог», «успех», «смелость», «единство», «вдохновение», «любовь», «труд», «перемены», «неудача», «удача». Данные концепты можно обозначить мотивирующими, причем интересно отметить, что даже «неудача», «неуспех», в языке наделенные отрицательными коннотациями, в мотивационных речах презентуются в положительном свете и трактуются состояниями, необходимыми для обретения побед в будущем.

Рекуррентными темами в американском мотивационно-политическом дискурсе надлежит считать такие, как важность получения хорошего образования, в том числе путем самообразования, моральное обязательство бороться за справедливость и лучшее будущее своей страны и всего мира, возможность преодоления любых обстоятельств и сложностей, необходимость веры в Бога и следования заветам Библии, исключительность американской нации, соотносимая с американской мечтой, неизбежность ошибок и поражений, но одновременно подчеркивание их конституирующей роли в приобретении личностью

ценного опыта, позволяющего в конечном итоге одержать победу над любыми противниками — как в жизни, так и в политике.

Заключение

Мотивационно-политический дискурс — гибридный дискурс, располагающийся не только на пересечении коррелирующих с самим предлагаемым термином коммуникативных сред, но и допускающий — в определенном смысле даже предполагающий — вкрапления и из иных дискурсов: спортивного, исторического, религиозного и т. д. Анализ американского мотивационно-политического дискурса выясняет некоторые рекуррентные в нем темы, соотносящиеся с такими концептами, как «борьба», «мечта», «американская мечта», «успех».

Мотивационный аспект, пересекающийся с побудительной функцией языка, так или иначе, представлен, наверное, если не во всех, то в подавляющем большинстве политических речей, однако возможность для выделения отдельного гибридного коммуникативно-дискурсивного пространства определяется следующими обстоятельствами. Во-первых, по всей видимости, мотивационно-политическому дискурсу в значительно большей степени, чем собственному политическому, свойственно делать акцент на возможности достижения определенных целей адресатом. В рассмотренном материале такой подход особенно проявлен в выступлении Б. Обамы перед американской молодежью, в котором оратор наставляет свою аудиторию более серьезно подходить к образованию, но также мотивирующая составляющая общения явственно звучит, например, в обращениях к американской нации таких политиков, как А. Окасио-Кортес, Б. Карсон, М. Рубио, призывающих соотечественников никогда не бояться, не сдаваться, бороться. Во-вторых, в рамках мотивационно-политического дискурса речь часто идет о сложностях, с которыми сталкивался государственный деятель в жизни. Мотивационно-политический нарратив обычно предполагает подчеркивание мысли, что, вопреки всем препятствиям, государственный деятель смог добиться невероятного успеха, а значит, и адресат тоже в состоянии реализовать свой потенциал, в том числе, если пожелает, и в области политики. В-третьих, в мотивационно-политическом дискурсе широко используются мотивирующие концепты, т. е. те понятия, которые способны вдохновить адресата, побудив его не только к свершению политических действий (голосование на выборах, организация протеста и т. д.), но и к изменению собственной жизни — на благо и себе, и всему обществу.

Дальнейшее изучение мотивационно-политического дискурса представляется, несомненно, актуальным в связи с его социальной значимостью, интересом лингвистов к гибридным дискурсам в целом, потребностью современного человека в нахождении смысла в своей экзистенции и преодоления

аполитичности и бездуховности (пострелигиозности — в терминах Л. Ли (Lee, 2015, р. 30)) общества потребления, порождаемого капиталистической экономической реальностью, в которой материальное имеет тенденцию значительно перевешивать идеальное.

Список источников

1. Сорокина, Э. А. (2017). Особенности термина «профессиональная языковая личность». *Современные проблемы экологии языка* (с. 269–277). Материалы научно-практической конференции, Астрахань, 10 февраля 2017 года. С. И. Маджаева (Отв. ред.). Астраханский государственный медицинский университет.
2. Тихомиров, Д. П., & Ахренова, Н. А. (2024). Маркеры агрессии при коммуникации в киберспортивном пространстве. *Вопросы прикладной лингвистики*, (54), 89–115.
3. Соколова, О. В. (2020). Гибридные тексты как форма взаимодействия авангардного художественного и политического дискурсов. *Слово.ру: балтийский акцент*, II(1), 50–86.
4. Чижевский, Я. А. (2016). Развитие военно-политического дискурса: представляем неологизмы «асимметричный конфликт» и «гибридная война». *Политическая наука*, (2), 269–283.
5. Юань, Е. (2024). Форматные и содержательные особенности современных телевизионных музыкальных реалити-шоу в России и в Китае. *Вопросы теории и практики журналистики*, 13(4), 789–804.
6. Прокофьева, Н. А., & Щеглова, Е. А. (2024). Резистентность к возражению в научно-популярном дискурсе: продвигающий и новостной текст. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*, 15(3), 735–754.
7. Беляков, М. В., & Максименко, О. И. (2024). Проблема семантических сдвигов в современном русском языке: корпусное исследование на примере новостного медиадискурса. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*, 15(1), 174–194.
8. Ovagimian, N. A., & Kiose, M. I. (2024). Event construal through spatial relations in science documentaries: language and image. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(3), 664–683.
9. Мирошниченко, М. А. (2024). Киберспорт как социокультурное явление: анализ влияния на молодежную субкультуру. *Человек. Общество. Инклюзия*, 15(1), 36–44.
10. Толстой, Л. Н. (1983). *Собрание сочинений*: в 22 т. Т. 14. Разговор с проходящим. Художественная литература. (2025, 18 января). https://rvb.ru/tolstoy/01text/vol_14/01text/0312.htm
11. Millet, L. (2020). *If language is a weapon, now is the time to deploy it*. (2025, 16 февраля). <https://lithub.com/if-language-is-a-weapon-now-is-the-time-to-deploy-it/>
12. Жувенель, Б. де. (2010). *Власть: естественная история ее возрастания*. (А. В. Матешук, В. П. Гайдамак, пер.). ИРИСЕН, Мысль.
13. Kadir, R. (2021). Code-switching in Indonesian popular songs and its potential implications for English language teaching. *Journal of Applied Linguistics and Literature*, 6(1), 108–133.
14. Алексеев, А. Б., & Сорокина, Э. А. (2024). *Языковая личность политика: особенности формирования и функционирования*. Монография. Русайнс.

15. Самойлова, А. В. (2022). Лингвопрагматика англоязычных политических неологизмов. *Язык и социум: динамика взаимоотношений* (с. 194–212). Монография. Кубанский государственный университет.
16. Филясова, Ю. А., & Мохаммад, М. (2024). Концепт «силовая тренировка» в контексте англоязычных научных исследований: профессиональный аспект. *Hominum*, 3(15), 92–114.
17. Хутыз, И. П. (2022). Особенности конструирования англоязычного мотивационного дискурса: уровень грамматики. *Вестник МГПУ. Серия: «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(45), 100–112.
18. Гилясов, Ю. В. (2016). Жанро-стилевая характеристика англоязычного мотивационного дискурса. *Вопросы германской и романской филологии. Ученые записки. Сборник статей. Вып. 7*, 36–41.
19. Филатова, Е. А. (2024). Применение текстов дискурса массмедиа и политики для формирования коммуникативных навыков школьников в рамках мотивационных педагогических технологий. *Сборник материалов Шестых Калужских университетских чтений. Серия: Гуманитарные науки*, 48–54.
20. Ахметова, Р. Ф., & Зиатдинова, А. М. (2024). Фоностилистические особенности англоязычного политического интервью. *Вестник филологических наук*, 4(6), 30–36.
21. Спиридовский, О. В. (2024). Использование стратегий конфликтно обусловленной коммуникации в целях сохранения президентской власти в США. *Политическая лингвистика*, 1(103), 85–90.
22. Janich, N. (2012). *Handbuch Werbekommunikation. Sprachwissenschaftliche und interdisziplinäre Zugänge*. Francke Verlag.
23. Leonard, A. (2010). *Political poetry as discourse. Rereading John Greenleaf Whittier, Ebenezer Elliott, and hip-hop-ology*. Rowman & Littlefield publishers, Inc.
24. Mackensen, L. (1973). *Verführung durch Sprache*. List Verlag.
25. Mills, S. (2004). *Discourse*. Routledge.
26. Lee, L. (2015). *Recognizing the non-religious: reimagining the secular*. Oxford University Press.

References

1. Sorokina, Ye. A. (2017). The peculiarities of the term «Professional linguistic personality». *Terms in the communicative domain* (p. 269–277). Martials of a scientific-practical conference, Astrakhan', February 10, 2017. S. I. Madzhaeva (Edit. Assoc.). Astrakhan State University. (In Russ.).
2. Tikhomirov, D. P., & Akhrenova, N. A. (2024). Markers of aggression in communication in the esports space. *Issues of Applied Linguistics*, (54), 89–115. (In Russ.).
3. Sokolova, O. V. (2020). Hybrid texts as a form of interaction between avant-garde artistic and political discourses. *Slovo.RU: Baltic accent*, 11(1), 50–86. (In Russ.).
4. Chizhevsky, Ja. A. (2016). The development of military-political discourse: Introducing neologisms «asymmetric conflict» and «hybrid war». *Political science*, (2), 269–283. (In Russ.).
5. Juan, E. (2024). Format and content features of modern television music reality shows in Russia and China. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 13(4) 789–804. (In Russ.).

6. Prokofeva, N. A., & Shcheglova, E. A. (2024). Resistance to objection in nonfiction discourse: promotive and news text. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(3), 735–754. (In Russ.).
7. Belyakov, M. V., & Maksimenko, O. I. (2024). The problem of semantic shifts in modern russian: a corpus-based study of news media discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(1), 174–194. (In Russ.).
8. Ovagimian, N. A., & Kiose, M. I. (2024). Event construal through spatial relations in science documentaries: language and image. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(3), 664–683. (In Russ.).
9. Miroshnichenko, M. A. (2024). Esports as a sociocultural phenomenon: analysis of the impact on youth subculture. *Human. Society. Inclusion*, 15(1), 36–44. (In Russ.).
10. Tolstoy, L. N. (1983). *Collected work*: in 22 vols. Vol. 14. A Talk with a wayfarer. (2025, January 18). https://rvb.ru/tolstoy/01text/vol_14/01text/0312.htm (In Russ.).
11. Millet, L. (2020). If language is a weapon, now is the time to deploy it. (2025, February 16). <https://lithub.com/if-language-is-a-weapon-now-is-the-time-to-deploy-it/>
12. Zhuvenel, B de. (2010). *Power: natural history of its growth*. (A. V. Mateshuk, V. P. Gaidamak, Trans.). IRISEN, My'sl. (In Russ.).
13. Kadir, R. (2021). Code-switching in Indonesian popular songs and its potential implications for English language teaching. *Journal of Applied Linguistics and Literature*, 6(1), 108–133.
14. Alexeyev, A. B., & Sorokina, Ye. A. (2024). *Language personality: peculiarities of formation and functioning*. Monograph. Rusajns. (In Russ.).
15. Samojlova, A. V. (2022). Linguopragmatics of English political neologisms. *Language and society: the dynamics of relation* (p. 194–212). Monograph. Kuban State University. (In Russ.).
16. Filjasova, Ju. A., & Mohammad, M. (2024). The «resistance training» concept in the context of English scientific research papers: a professional aspect. *Hominum*, 3(15), 92–114. (In Russ.).
17. Hutyz, I. P. (2022). Specifics of the English-language motivational discourse construction: the level of grammar. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(45), 100–112. (In Russ.).
18. Giljasev, Ju. V. (2016). The genre and style characteristics of english motivational discourse. *Issues of Germanic and Romance Philology. Scientific Notes*. Collection of articles. Issue 7, 36–41. (In Russ.).
19. Filatova, E. A. (2024). Application of texts of political and mass-mass discourse for the formation of communicative skills of students in the frames of motivational pedagogical technologies. *Collection of the sixth Kaluga State University. Series: Humanities*, 48–54. (In Russ.).
20. Akhmetova, R. F., & Ziatdinova, A. M. (2024) Phonostylistic features of English political interviews. *Philological Sciences Bulletin*, 4(6), 30–36. (In Russ.).
21. Spiridovsky, O. V. (2024). Strategies of conflict communication employed by american presidents for retention of power. *Political Linguistics*, 1(103), 85–90. (In Russ.).
22. Janich, N. (2012). *Handbuch Werbekommunikation. Sprachwissenschaftliche und interdisziplinäre Zugänge*. Francke Verlag.
23. Leonard, A. (2010). *Political poetry as discourse. Rereading John Greenleaf Whittier, Ebenezer Elliott, and hip-hop-ology*. Rowman & Littlefield publishers, Inc.

24. Mackensen, L. (1973). *Verführung durch Sprache*. List Verlag.
25. Mills, S. (2004). *Discourse*. Routledge.
26. Lee, L. (2015). *Recognizing the non-religious: reimagining the secular*. Oxford University Press.

Информация об авторах

Александр Борисович Алексеев — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Эльвира Анатольевна Сорокина — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии факультета романо-германских языков Государственного университета просвещения.

Information about the authors

Alexander B. Alexeyev — PhD (Philology), Associate Professor of the Department of the English Language, The Russian Academy of Economics and State Service by the President of the Russian Federation.

Elvira A. Sorokina — Dr. Sc. (Philology), Professor, Professor of the Department of English Philology, Federal State University of Education.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.